

Рассмотрены основные идеи нового урбанизма – градостроительного движения, возникшего в 1980-х годах, близкого принципам традиционного города. На примере национальных школ Европы и США показано распространение этих идей. Проанализированы ответы архитекторов нового урбанизма на вызовы современной цивилизации – постиндустриальность, экологический кризис, разрушение исторических городов. Дана эстетическая и семиотическая оценка роли ордерной и вернакулярной архитектуры в современном традиционном городе. Прослежены различия и пересечения в национальных школах США, Англии, Франции, Италии, Голландии и др.

Ключевые слова: традиционный город; вернакуляр; ордер; Л. Крие; А. Дюани; Е. Плате-Зайберк; Р. Бонтемпи; К. Терри./

The article discusses the main ideas of New Urbanism, an urban development movement that has existed since the 1980s and is close to the principles of a traditional city. The spread of these ideas is shown on the example of national schools in Europe and the USA. The responses of the architects of New Urbanism to such challenges of modern civilization as post-industrialism, ecological crisis, destruction of historical cities are analyzed. An aesthetic and semiotic assessment of the role of order and vernacular architecture in a modern traditional city is given. Differences and intersections in the national schools of the USA, England, France, Italy, Holland and others are traced.

Keywords: New Urbanism; traditional city; vernacular; order; L. Krier; A. Duany; E. Plater-Zyberk; P. Bontempi; Q. Terry.

Новый урбанизм в Европе и США: национальные школы / New Urbanism in Europe and the USA: National schools

текст

Лариса Копылова

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова /

text

Larisa Kopylova

Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture

Новый урбанизм, или Возвращение традиционного города

Новый урбанизм – глобальная архитектурная идея, оказавшая влияние на современное градостроительство. Рождение нового урбанизма случилось на рубеже 1970–1980-х годов, а к 1996-му движение полностью оформилось, с теорией, институтами, постройками. Истоки нового урбанизма лежат в городах-садах и ансамблях City Beautiful начала XX века [1]. У нового урбанизма несколько линий: наиболее концептуально проявленные – американская, английская и русская. Первый город нового урбанизма – Сисайд во Флориде (США) – построили американские градостроители Андрес Дюани и Элизабет Плате-Зайберк в 1983 году. В дальнейшем они спроектировали более 300 городов и реализовали их в США и других странах. В 1991 году Дюани и Плате-Зайберк (архбюро D. P. Z.) закрепили свои практические достижения в «Принципах Эуани» (Ahwanee Principles) – первой декларации принципов нового урбанизма. Они же стали авторами термина.

Английскую линию представляют прежде всего градостроитель Леон Крие и принц Чарльз Уэльский, а их детище – город Паундбери в Дорсете, Великобритания (1988–2025). Принц Чарльз изложил свои «10 принципов» в книге «Образ Британии» [2], а Крие свою градостроительную теорию – в книге «Архитектура: выбор или судьба» [3].

В 1984 году Михаил Филиппов провозгласил манифест традиционного города на конкурсе «Стиль 2001 года» журналов JA и A+U, выиграв первую премию с серией акварелей, которые председатель жюри известный урбанист Альдо Росси назвал «фантастически красивыми» и сказал, что они «намечают путь развития в сторону гармоничного, гуманистического состояния архитектуры» [4, с. 4–7]. В акварелях панельный район постепенно заменялся классическим городом, который Филиппов в дальнейшем воплотил в своих градостроительных ансамблях. Он изучал старый город путем рисования и на основе познанного эстетического феномена проектировал новый. Дальше так и сложилось: в России – интуитивно эстетический подход, на Западе – рационально юридический.

Доказательством стало появление в 1993 году Конгресса нового урбанизма (Congress for the New Urbanism), а в 1996 – Хартии нового урбанизма [5], которая и закрепила термин. В том же году к существующим организациям добавилось англо-европейское движение European Urban Renaissance, в 2003-м – Совет европейского урбанизма (CEU) с отделениями в Норвегии, Германии, Дании, Швеции и т. д., в 2001-м – INTBAU (International Network for Traditional Building, Architecture & Urbanism) – международная сеть традиционного строительства, архитектуры и урбанизма под покровительством принца Чарльза. Эти организации вступают в отношения с правительствами городов и стран, знакомят их со своими идеями, и не без отклика. В 2020 году президент США Дональд Трамп издал указ о приоритете классического стиля при строительстве федеральных зданий, а в Великобритании в том же году министерство строительства и ЖКХ выпустило документ, на 90% основанный на принципах нового урбанизма.

Города нового урбанизма постепенно распространились по Европе и Америке, они возникли в России и Китае, Южной Америке и Австралии. Не везде они назывались этим термином, не обязательно опирались на теорию. Как и в случае с искусством Ренессанса, здесь наличествовало возрождение и выживание. Скажем, во Франции в конце 1960-х Франсуа Спозери построил Порт-Гримо в Сен-Тропе в традиционном стиле рыбацкой деревни. В наше время его называют французской Венецией и уже охраняют как памятник архитектуры. Подобные же традиционные деревни появились в Испании и Португалии.

Если сделать выжимку из принципов архбюро D. P. Z., теории Л. Крие и Хартии нового урбанизма, то эталонный новый урбанизм – это компактное поселение с традиционной (например, радиально-кольцевой или квартальной) планировкой, где есть центральная площадь, традиционные улицы с фасадами, где все необходимые для жизни функции находятся в пешеходной доступности, а часто прямо на первых этажах жилых зданий, где жители представляют собой сообщество, а в архитектуре предпочитают классику и вернакуляр, т. е. постройки в местных традициях из местных материалов. По сути,

речь идет о хорошо забытом старом городе. Что же тогда нового в новом урбанизме?

Новые вызовы: постиндустриальность, экология, угроза утраты исторического города

Если концепция индустриального города XX века (город при заводе) нашла свое выражение в модернистском панельном районе, то в постиндустриальной цивилизации, наступившей в 1990-х, когда производство в большинстве своем выводится из города, его качество зависит от разнообразия услуг. Городу нужны люди для функционирования городской экономики, а люди едут в те города, в которых есть образование, культура, медицина и т. д. Индекс качества города в современной урбанистике измеряется количеством и доступностью функций (скажем, в центре Москвы их 200, а в спальном районе пять), зависит от экологии, среды. КБ «Стрелка» разработало индекс качества российских городов, сделанный на основе анализа 1112 поселений нашей страны. Количество функций – магазинов, кафе, аптек, салонов красоты – это малый бизнес, а он в панельном районе не живет, ему нужна традиционная улица с потоком пешеходов [6]. Так мы возвращаемся к традиционному городу как идеальной модели постиндустриальности. Традиционный город, естественно, опирается на опыт исторического. Сейчас адаптивность исторического города к разным функциям, его востребованность и современность понятна большinstву людей. Удивительно, что новые урбанисты предложили традиционный город в эпоху 1980-х, когда переход к постиндустриальной модели еще не был столь очевидным.

С точки зрения экологии и устойчивого развития дело с традиционным городом обстоит так. В 1972 году вышел доклад Римского клуба «Пределы роста», где речь шла о конечности ископаемых ресурсов, энергетическом и экологическом кризисе планеты. Архитектура оставляет огромный антропогенный след. Самое вредное для природы – снос зданий и новое строительство [7]. Массовое жилье из бетона рассчитано на 30–50 лет жизни (плюс проблема морального устаревания). Потом его надо сносить и строить новое, о чем свидетельствует замена 9-этажных домов на 25-этажные в российских мегаполисах. С этой точки зрения долговечные здания из натуральных материалов, которые служат 200–300 лет (достаточно посмотреть на города XVIII – XIX веков) весьма экологичны, а значит, ориентация на вернакулярную архитектуру, как правило, из кирпича и камня, вполне решает эту проблему. К тому же эти дома имеют массивные толстые стены, которые медленно нагреваются и остывают, поэтому в них не нужны кондиционеры. Так новый урбанизм пытается ответить на экологический вызов.

Наконец, в 1970-х произошло осознание эстетической ценности исторического города. Вторжения панельно-бетонного строительства после Второй мировой войны нанесли ему глубокие раны. При помощи ЮНЕСКО города начали охранять не отдельными ансамблями, а городскую среду в целом. Тут мы подходим к важному для нового урбанизма пункту: что такое традиционный город? Как оценивать город как произведение? У ЮНЕСКО есть пять критериев включения объектов культуры в Список Всемирного наследия. Первые два в наибольшей степени относятся к городу. Во-первых, объект охраны должен быть произведением творческого гения человека, во-вторых, он должен выражать человеческие ценности, характерные для определенного периода и места. Дальше идут пункты, подходящие для конкретных произведений. Но что значит произведение творческого гения? Ведь город создается многими людьми, и не все из них гении. В нем много рядовых зданий, которые часто возведены не архитекторами, а строителями. Что это вообще такое

– эстетический феномен города? Можно ли его изучить и воспроизвести?

Полагаю, что именно этим и ценен новый урбанизм. Старый город подвергся рефлексии, и был создан алгоритм, по которому строится неотрадиционный город нового урбанизма. Придумав это название, градостроители Дюани и Плате-Зайберк не просто применили эпитет «новый», но создали ноу-хау – дизайн-код города. В этой статье разберем, что это за алгоритм, на примере национальных школ США, Англии, Франции, Италии, Испании, Португалии, Германии, Голландии и Швеции. Русской школе традиционной архитектуры, в которой осмысление старого города происходило иным методом и которая решила масштабные задачи и добилась высоких художественных результатов, будет посвящена отдельная статья.

Традиционный профиль улицы с фасадами

Пожалуй, одно из самых больших открытий новых урбанистов – возрождение традиционной улицы типа коридора под открытым небом, с четким профилем (поперечным разрезом). Почему человеку хорошо на узкой улице со сплошной стеной из фасадов, если при этом фасады (короткие, длиной от 12 до 20 м) приветливо раскрываются на улицу окнами, террасами, светящимися витринами, а благоустройство структурировано и широкие тротуары, лавки, фонари, деревья, фонтаны приглашают людей задержаться на такой улице подольше, – соответственно, на ней заводится городская жизнь? Алан Джейкобс показал, что именно здесь лежит секрет великой улицы [8]. Одна из важнейших задач градостроителя – найти хорошие пропорции между шириной улицы и высотой фасадов, чтобы создать ясное, уместное, хорошо обозримое пространство. Удачным считается соотношение 2:1, где два – ширина улицы, а один – высота фасадов, но возможны и варианты. Например, на Невском проспекте пропорция ширины улицы к высоте фасадов 2:1 (примерно 36 м к 18 м), на улице Джуббонари в Риме – 0,3:1, а на Елисейских полях – 5:1. Дюани и Плате-Зайберк также предписывали в своих городах определенную пропорцию. Так, ширина улицы в поселке Сисайд – 5,5 м, а высота фасадов – 10–12 м. В Паундбери ширина улиц – от 6 до 10 м, а высота 2–3-этажных домов составляет 9–14 м. Но на центральной площади дома выше, и соотношение меняется. Во всех дизайн-кодах, написанных новыми урбанистами, профиль (поперечный разрез) улицы всегда показывает соотношение высоты домов, ширины улицы, ширины тротуара, высоты деревьев и т. д.

Город как образ социума

Однако традиционного профиля улицы не достаточно. Важнейшая черта традиционного города – наличие фасадов, смотрящих на улицу. Слово «фасад» родственно английскому *face* и французскому *face*, что означает «лицо». Фасады воспринимаются человеком в антропоморфном ключе, это слышно в языке. Окна «смотрят», стена без окон и дверей – глухая или слепая. Но это касается не любых фасадов, а только антропоморфных, имеющих ордерные композиции, пусть упрощенные до предела (цоколь, стена с проемами, карниз, крыша). Фасады стоят в ряд и смотрят на улицу. Они контактируют с улицей и друг с другом. Для этого им нужен общий язык. Таким языком, как правило, является ордер и шире – вернакулярная архитектура. Традиционный город – это образ социума и результат общественного консенсуса. Как пишет философ Роджер Скратон, рядовым зданиям не надо быть гениальными, как неуместно человеку настаивать на своей гениальности в общении с соседями. Наше общение с людьми строится на поиске консенсуса, между «вписаться» и «выделиться» мы выбираем первое,

и это мы называем манерами. Дома подлаживаются друг к другу, не будучи одинаковыми [9]. Действительно, у домов разное строение и разный декор, но одного морфотипа, как у всех людей разные глаза, носы и рты, но у всех они есть. Ведь город, как мы помним, – единство непохожих. Дома стоят обращенные лицом к улице, как мы стоим на наших групповых фотографиях¹. Это семиотическое значение традиционного города было новыми урбанистами осмыслено и формализовано в дизайн-кодах, регламентирующих ширину фасадов, количество и размер окон и дверей, высоту и форму крыш и т. д.

Традиционная планировка

Она вторична по отношению к традиционному профилю улицы. Главное, что улица есть в принципе (поскольку в модернистском спальном районе вообще нет такого понятия: улицы, как правило, заменены проездами). Планировка в городах нового урбанизма бывает радиально-кольцевой, квартальной (Плесси-Робинзон), нерегулярной средневековой, однако с центральной площадью (Паундбери, квартал Дом-Рёмер), барочной трехлучевой (Сисайд). Гораздо важнее принцип полицентричности, постулированный Л. Крие. В городе все функции должны быть в пешеходной (10-минутной) доступности и должна быть главная, центральная площадь. Значит, поселение нового урбанизма по определению небольшое. Большой же город складывается из нескольких таких поселений со своими центрами.

Фоновая и авторская архитектура = вернакуляр и классика

Мы не случайно обратили внимание на то, что ЮНЕСКО охраняет города, например исторические центры Санкт-Петербурга и Рима, целиком – как ткань и среду. Новый урбанизм поставил своей целью возрождение: моделирование, алгоритмизацию, возвращение в профессиональный язык – традиционного города со всей его тканью, даже с фоновой застройкой, и это случилось впервые. Все-таки архитекторы начала XX века, например русские неоклассики Серебряного века, в своем интересе к прошлому ориентировались скорее на ансамбли русского классицизма, чем на целостную ткань с рядовыми зданиями. Новые урбанисты видят город как соединение фоновой и авторской застройки. Как правило, авторскими, или иконическими – по терминологии Ч. Дженкса, являются общественные здания, а рядовыми – жилые. Это естественное для города взаимное дополнение общественного и частного, *res-publica* и *res-privata*, как говорит Леон Крие. Застройка нового урбанизма ориентируется на местные строительные традиции, местные материалы, местных мастеров, в чем состоит социальное (поддержка местных компаний) и экологическое (не надо везти материалы и строителей издалека, тратить энергию и ресурсы) значение нового урбанизма, уважение к гению места и бережное отношение к ландшафту. А вот площади и общественные пространства создаются как авторские ансамбли, преимущественно в ордерной архитектуре [10].

Иерархия и небесная линия

Здесь мы подходим к еще одному важному семиотическому аспекту традиционного города, в значительной степени утраченному в модернизме. Это иерархия. В современном мегаполисе самыми высокими являются не храмы, театры и музеи, а небоскребы торговых и финансовых компаний, что красноречиво свидетельствует о ценностях цивилизации и не утрачивает городской силуэт. Новый урбанизм возвращает в город традиционную иерархию. Как в плане расположения на земле – главные здания, церкви и ратуша, стоят на центральной

площади, так и в плане контакта с небом – в небесной линии царят шпили и купола, т. е. те же церкви и ратуша. Конечно, так получается не везде и не всегда, но вектор направлен в эту сторону. Связь с небом у традиционного города более бережная: своеобразный «пейзаж» из скатных крыш образует более мягкую линию, нежели утилитарный изломанный силуэт высотных параллелепипедов.

После того как определены критерии нового урбанизма и возрождаемого им традиционного города, перейдем к конкретным примерам национальных школ Европы и США. Поскольку новый урбанизм ориентируется на вернакуляр – традиционный стиль местного строительства, естественным образом возникают национальные школы. Причем архитекторы, работающие в разных странах, строят города нового урбанизма в традициях той страны, в которой находятся. Люксембуржец Леон Крие в Паундбери строит английскую деревню, его брат Роб Крие в Голландии – каналы и краснокирпичные дома с высокими треугольными фронтонами, типичные для Амстердама, бюро Breitman & Breitman под Парижем – османовскую эклектику. И так далее. Взаимное опыление идеями у представителей нового урбанизма осуществляется на базе как общих институций, так и неоклассической архитектурной школы Университета Нотр-Дам в Чикаго и Премии Ричарда Дрихауса, вручаемой в области традиционной архитектуры.

Американская школа

Основатели нового урбанизма – американские градостроители Андрес Дюани и Элизабет Платэ-Зайберк – формализовали ауру исторического города с помощью дизайн-кода. Они написали дизайн-коды для первых известных городов – Сисайда и Селебрейшна во Флориде (США), Паундбери (Великобритания). Самым первым был Сисайд, курортный городок на берегу моря, заложенный в 1980 году, больше похожий на дачный поселок. Застройка представляет собой стоящие вдоль улицы, облицованные сайдингом коттеджи с палисадниками, террасами и галереями, типичные для американских приморских городов. Вернакулярная архитектура стала важным признаком нового урбанизма. Но в общественных пространствах присутствуют и авторские здания в разных стилях. Сами градостроители не строили дома, но отбирали проектировщиков: в их число попали неоклассики Леон Крие и Альдо Росси и модернист Стивен Холл. Новые урбанисты предписывали традиционную планировку и традиционный профиль улицы, где дома выходят на улицу главными фасадами, но стиль не регламентировали. В дальнейшем именно это стало характерной особенностью американской школы нового урбанизма, и, забегая вперед, можно сказать, что эта универсальность позволила новому урбанизму распространиться по миру и оказать влияние даже на модернистскую архитектуру. Другая важная особенность школы, как уже говорилось, – создание градостроительного кода города, определяющего множество параметров – от профиля улицы, ширины тротуаров и проезжей части, парковочной разметки, количества деревьев до строительных материалов, деталей, вывесок, заборов и т. д. Например, в Сисайде малые террасы обязательно должны выходить прямо на улицу ради социальной интеграции. Такой эстетико-юридический подход к городу позволяет в проектировании рядовых домов обходиться без архитекторов. Сисайд с его обликом дачного поселка не оставляет ощущения полноценного города, возведенного единой художественной волей, возможно, из-за нехватки авторской руки или из-за слишком обобщенного ордера. К тому же в нем нет большого количества функций, которые формируют город и сооб-

1. Для сравнения: модернистское здание, отрицающее антропоморфность, проектируется изнутри наружу, как правило, не имеет фасада, являясь скульптурой, либо имеет одинаковые фасады-сетки и взрывает контекст, разрывая городскую ткань.

^ Рис. 1. Кентлендс (Мериленд), США. Архитекторы А. Дюани, Э. Плате-Зайберк. 1988–1998 (www.dpz.com)

^ Рис. 2. Сисайд во Флориде (США). Градостроители А. Дюани, Э. Плате-Зайберк. 1980–1983 (www.dpz.com)

щество. Однако это первый опыт нового урбанизма, и его влияние на практику и теорию огромно.

Селебрейшну с разнообразием функций повезло больше. Девелоперская компания Disney начала строить его в начале 1990-х годов. Авторы генерального плана – Жаклен Робертсон и Роберт Стерн, Дюани и Плате-Зайберк выступили как консультанты по дизайн-коду. Селебрейшн – город площадью 20 км², состоящий из восьми частей – отдельных деревень и парков. В 2004 году там жило 9500 чел., к 2020-му число жителей выросло до 11200. Здесь наблюдаем то же смешение стилей: общественные здания создали постмодернисты М. Грейвз и Р. Вентури, модернисты Ф. Джонсон и С. Пелли. Город построен по всем правилам нового урбанизма, с традиционными улицами и домами. Роль центральной площади играет озеро, на набережной которого стоят здание городской управы, почта и прочие важные учреждения. Город представляет собой сплоченное местное сообщество. Здесь издают свою газету, проводят общие праздники, есть собственный телевизионный канал и сайт в интернете.

Дюани и Плате-Зайберк построили сотни городов не в последнюю очередь благодаря тому, что новый урбанизм в США был поддержан частными девелоперами и местной властью. Кроме «дачной» планировки с отдельно стоящими коттеджами, у них встречаются сблочированные дома с двускатными крышами, кирпичные или с грубой каменной облицовкой, более близкие к традиционной английской деревне (Эванс Фарм в штате Вирджиния) или традиционному американскому провинциальному городу XIX века. Таков Кентлендс в штате Мэриленд. За счет разноцветных кирпичных и штукатурных фасадов с ордерными деталями он выглядит весьма поэтично.

Кентлендс в Гейтерсбурге спроектирован в 1988 году на месте бывшей фермы. Фермерскую усадьбу XVIII века сохранили и превратили в музей, который расположен в парке в центре поселения. Городок состоит из нескольких районов со своими центральными площадями. Планировка – традиционная, частично регулярная, частично довольно причудливая: есть улицы со сплошным фронтом фасадов, но изогнутые, есть проулки между

домами, есть более широкие и прямые торговые улицы с коммерческими и офисными первыми этажами, жилыми – вторыми и третьими.

Вместе с соседним сообществом Лендлейк количество жителей в Кентлендсе составляет около 8 тыс. чел. Здесь гораздо больше городских функций, чем в Сисайде: есть церковь и синагога, детсад, начальная и средняя школы, волейбольные и теннисные корты, бассейн, городской совет и даже театр. Это полноценный город, живущий уже более тридцати лет. Никакого смешения стилей тут не наблюдается. В плане художественного единства это более удачный пример, чем Сисайд и Селебрейшн.

В 2009 году А. Дюани и Э. Плате-Зайберк были удостоены Премии Ричарда Дрихауса, которая считается аналогом Нобелевской премии в области традиционной архитектуры (была учреждена в пике модернистской премии Прицкера в 2003 году, по сравнению с которой номинал удвоен и составляет 200 тыс. долларов США). В 2003 году премию Дрихауса получил Леон Крие, автор Паундбери, позже Жаклен Робертсон и Роберт Стерн, авторы Селебрейшна, а затем почти все новые урбанисты. Градостроительная теория была изложена Дюани и Плате-Зайберк в книге «Новое городское искусство: элементы городского планирования» [11] и в других сочинениях.

Кроме указанных авторов, наиболее влиятельный архитектор и теоретик нового урбанизма в США – Питер Калторп, спроектировавший как американские города, так и ЖК «Загородный квартал» под Москвой. Калторп предложил концепцию транзитного города TOD (Transit oriented development), где центром является железнодорожная станция, вокруг которой формируется в радиусе 800 м пешеходный высокоплотный город с общественными функциями, а за его пределами размещено жилье и разрешены автомобили. TOD можно считать компромиссом между поселением нового урбанизма и спальным районом. Такие города не обладают эстетическим единством, зато отвечают на упреки новому урбанизму в малом масштабе и дискриминации автомобилистов. Примером TOD может служить Арлингтон в Вирджинии (США). А вот для Подмоскovie Калторп предложил любопытное соединение нового урбанизма

> Рис. 3. Кентлендс (Мэриленд), США. Архитекторы А. Дюани, Э. Плате-Зайберк. 1988–1998 (www.dpz.com)

с модернистским стилем – «Загородный квартал». Несмотря на лаконичный стиль ортогональных построек, здесь очень гармоничные пропорции городского пространства за счет узких улиц и высокой проницаемости фасадов: огромные окна, террасы на крышах, озелененные террасы на первых этажах предполагают сообщество людей, доверяющих друг другу. Однако стемалитовая облицовка домов не лучшее решение, так как она, в отличие от натуральных материалов, быстро и некрасиво стареет.

Таким образом, для американской школы типичен акцент на градостроительстве, социологии и экологии, без регламентации стиля архитектуры. Сильной стороной американской школы является открытие алгоритма традиционного города, наличие инструмента в виде дизайн-кода. Стилевая толерантность привела к универсальности, которая позволила новому урбанизму распространиться по миру. Недостатком можно считать отсутствие ярких ансамблей. Архбюро D. P. Z. и Калторп прежде всего градостроители. Хотя D. P. Z. привлекали архитекторов, выдающихся ансамблей не случилось. С ними не работали признанные авторы ордерной архитектуры. Приглашенные архитекторы представляли разные стили – классику, постмодернизм и модернизм. Напрашивается вывод, что стилевая толерантность не очень перспективна в плане художественного качества.

Английская школа

Паундбери – образцово-показательный город нового урбанизма. Это предместье Дорчестера было задумано принцем Чарльзом и спланировано архитектором Леоном Крие в 1988 году как альтернатива депрессивным панельным районам. Поскольку Паундбери строился долго (четвертую очередь завершат в 2025 году), градостроители и архитекторы успели учесть критику. Паундбери изначально создавался как полноценный город для жизни, а не курорт. Сейчас в нем 4600 жителей, 2500 рабочих мест. Особо стоит отметить 35% социальное жилье и множество экологических инноваций.

Паундбери традиционен по форме и по смыслу. Традиционная планировка Паундбери создана Леоном Крие в пике модернистскому принципу зонирования

– разделения районов на жилые, административные, культурные и т. д. Паундбери состоит из четырех частей, в каждой из них все функции смешаны, каждая имеет почти средневековую по запутанности планировку английской деревни и свой центр – рыночную площадь, т. е. это традиционная планировка, усиленная проповедимой Крие идеей полицентричности. Во-вторых, перед нами традиционные улицы с фасадами, но дома не всегда образуют сплошной фронт, иногда это отдельно стоящие домики с крошечными палисадниками, тем не менее структура традиционной улицы сохраняется.

В-третьих, стоит похвалить город за иерархию, которая намечалась в других городах нового урбанизма, но в Паундбери реализована в значительной мере, так как здесь есть общая для всего города главная площадь Королевы-матери (бабушки принца Чарльза, привившей ему любовь к архитектуре). Площадь в плане асимметрична, но имеет четкие границы, как это бывает в естественно сложившихся исторических городах.

Большинство зданий на площади спроектированы в стиле классицизма выдающимся английским неоклассиком Квинланом Терри в соавторстве с сыном Френсисом. Тема дорического, ионического и коринфского ордера развита в кирпиче и порландском камне в диалоге с шедеврами Альберти, Сансовино, Шинкеля. Постройки представляют собой авторское высказывание, в отличие от остальной вернакулярной застройки в духе английской деревни. Дома на площади достигают 6–7 этажей, они гораздо выше, чем в остальном городе, а ратуша со шпилем превратилась в городскую доминанту. Одноэтажная ораторианская церковь, впрочем, не велика, но изящна, как большинство ордерных построек К. Терри. Таким образом, принцип традиционной иерархии, главенства значимых построек в силуэте города и на земле, баланс между рядовой вернакулярной и авторской классической застройкой, здесь в целом соблюдается.

Дизайн-код Паундбери – это свод правил, в котором скрупулезно описано, какими могут быть пристройки к зданиям, материалы стен, крыш и архитектурных деталей, системы водостоков, каминные, окна, двери, сады, заборы и сараи. Скажем, окна и двери рекомендуются

< Рис. 4. Паундбери в Дорсете. Великобритания. Мастерплан Л. Крие. 2013. Предоставлено Duchy of Cornwall

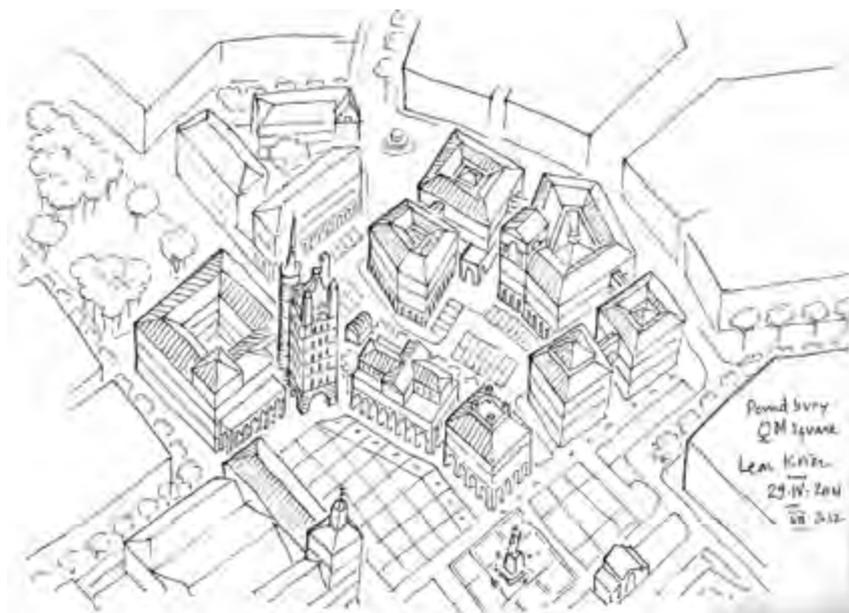
чинить, а не менять; камень для строительства брать из четырех местных карьеров, а кирпичи укладывать либо английским, либо фламандским способом. Запрещены куполообразные застекленные крыши, заводские сборные строения, пластиковые навесы, вывески из пластика или с внутренней подсветкой, телеантенны и «тарелки». С улицы не должно быть видно сушилок для белья, счетчиков, мусорных ящиков и вентиляционного оборудования! Интересно, что обилие правил элит не столько жителей Паундбери, сколько соседей из старого Дорчестера, приезжающих тем не менее сюда погулять и за покупками. Город кажется им слишком элитарным.

Именно в элитарности упрекают чаще всего новый урбанизм, называя его поселением жильем для толстосумов. Но Паундбери опровергает этот миф. Социальная инновация Паундбери состоит в чередовании частного жилья с доступным, которое по качеству не отличается от остального. Социальным жильем, доля которого 35%, владеют благотворительные фонды, сдающие его за небольшую цену малообеспеченным гражданам. Корреспондентка, посетившая Паундбери по моему заданию в 2009 году для написания статьи, опросила местных жителей. Один из них, безработный 38-летний Стивен, декоратор по профессии и экс-наркоман, снимает квартиру за 20 фунтов в неделю в двух шагах от центра. Счастлив, собирается вернуться к профессии, хотя и сетовал, что продовольственный магазин – один на всю округу. Молодая женщина Тина, снимающая с семьей квартиру в Паундбери, сказала, что городок нравится, но за три года так и не удалось подружиться с соседями, а жаль, дети одного возраста, могли бы играть вместе. То есть градостроители социальные слои смешивают, чтобы избежать гетто, но не все жители хотят смешиваться. Остальные 65% города вполне уважаемы. 40% населения городка – пенсионеры, причем не только местные, здесь покупают недвижимость люди из разных районов страны. Цены в среднем на 10% выше, чем в других предместьях. Квартиры и маленькие дома с одной спальней стоят от 100 до 200 тыс. фунтов, 5–6-спальные дома – от 500 тыс. фунтов. Спустя 30 лет можно сказать, что Паундбери – успешный бизнес-проект. Жилье раскуплено, рост цен доказывает его востребо-

ванность. Людей привлекает благородство и визуальный комфорт городка. По опросам Oxford Brooks, 85% жителей довольны, что сюда переехали [12].

Вначале мы говорили, что города нового урбанизма были предназначены стать ответом на вызовы современного мира: постиндустриальность, экологический кризис и исчезновение старого города. Авторы Паундбери последовательно на них отвечают. Про эстетическую иерархию, характерную для старого города, речь была выше. Все функции, как и положено в постиндустриальном городе, находятся в пешеходной доступности и перемешаны с жильем, даже предприятия. Впрочем, они маленькие, гуманные по отношению к экологии и тщательно вписаны в традиционный архитектурный контекст: это фабрика мюсли и шоколадная фабрика. Есть больница, стоматологическая, альтернативная и детская благотворительная клиники, хоспис, финансовые и адвокатские конторы, детские сады и ясли, агентства недвижимости,

v Рис. 5. Паундбери в Дорсете. Великобритания. Площадь Королевы-матери. Концепция Л. Крие. Предоставлено Л.Крие

флористы и салоны красоты. Несмотря на то что число рабочих мест составляет половину от количества населения, многие все же ездят на работу в Дорчестер.

Что касается экологического вызова, то Паундбери – форпост экотехнологий. Здесь построено 11 экодомов с солнечными коллекторами для нагрева воды, солнечными батареями и сбором дождевой воды с последующим использованием для полива и смыва в туалетах. Расходы на эксплуатацию таких домов ниже на 50%. Все они сертифицированы по международной экосистеме BREEAM с оценкой «превосходно». Энергоэффективны эти дома благодаря не только техническим новшествам, но и традиционной архитектуре. Толстые стены уменьшают теплопроводность и, следовательно, потребность в отоплении и кондиционировании. Традиционные камень и кирпич сохраняются веками, а значит, дома не придется сносить через 50–60 лет, как это происходит с панельной застройкой. А ведь именно снос зданий

наносит природе наибольший вред. По городу ходят два электрических автобуса. По соседству создано предприятие по переработке сельхозпродукции в газ, которого хватает на обслуживание 50 тыс. домов летом и 4500 зимой. Сам город стал местом паломничества архитекторов и специалистов по экостроительству.

Паундбери вписывается в идею устойчивого развития и иным способом. Леон Крие, опираясь на взгляды философа Р. Скратона и социального мыслителя Д. Канслера, часто говорит о кризисе глобального мира: «Мы должны вернуться к использованию местных натуральных строительных материалов, местной еды, к работе маленьких местных компаний, к планированию маленьких городов, которые сыты непосредственным окружением, строить здания, адаптированные к местному климату, снижая распространение CO₂ <...> Небольшие местные строительные компании, строившие Паундбери, выжили во время экономического кризиса». Город дей-

> Рис. 8. Реплика Паундбери в Китае. Темз таун в Шанхае (<http://emergenturbanism.com>)

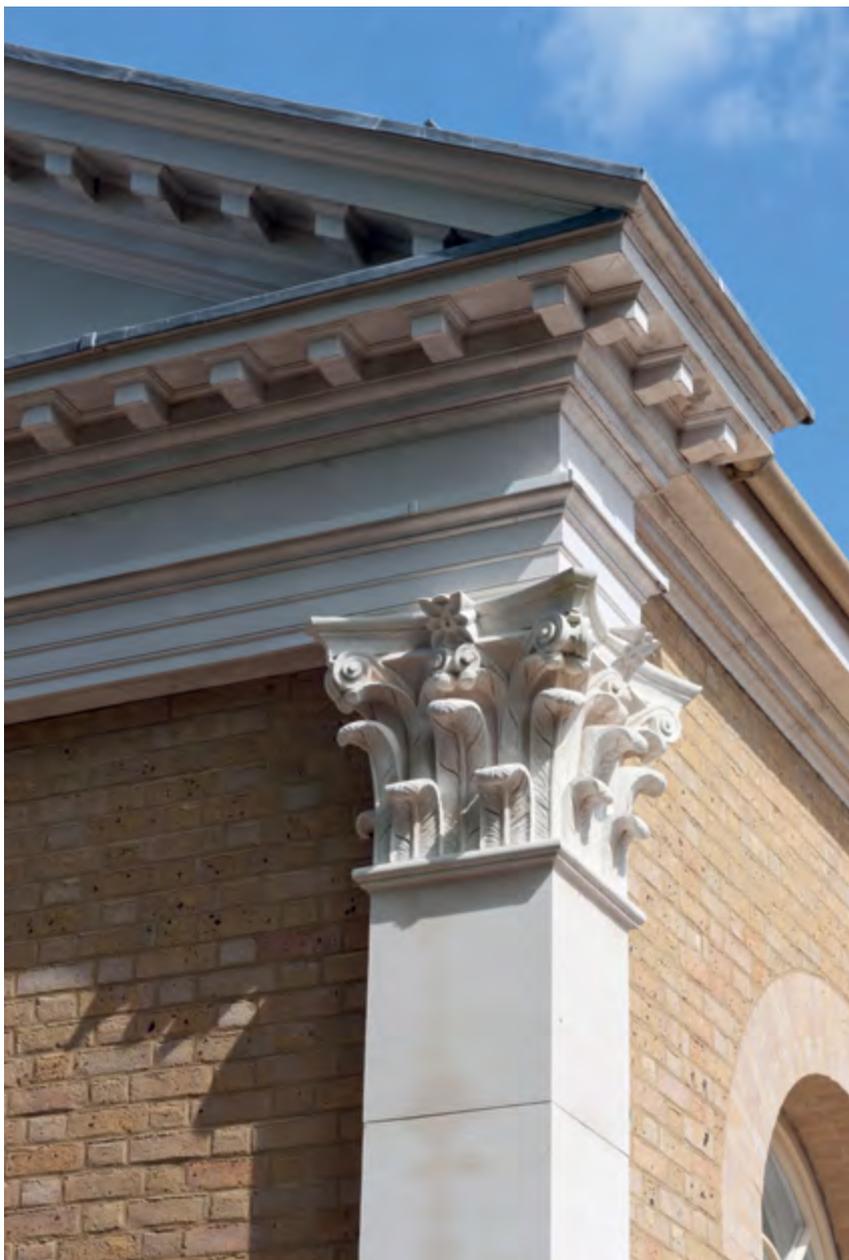
ствительно строили местные строительные фирмы. Они легко освоили традиционные технологии. В противном случае Крие и принцу Чарльзу пришлось бы бороться с крупными строительными корпорациями, которые стали бы навязывать свои стандартизированные технологии. Так что польза вышла двойная: местное население получило работу, а архитектор, заказчик и жители – традиционную среду.

Паундбери доказывает, что традиционные модели работают. Город породил реплики по всему миру, например по его образу был построен Темза-Таун в Шанхае. Таким образом, английская школа предложила наиболее комплексный подход, учитывающий эстетический, иерархический, социальный и экологический аспекты города.

Французская школа

Для французской школы характерен довольно большой размах. Если в Паундбери 4500 жителей, то французы построили традиционные города до 50 тыс. чел. Архитекторы Марк и Нада Брайтман, бюро которых базируется в Париже, создали генплан одного из наиболее крупных поселений нового урбанизма в парижских окрестностях – Плесси-Робинзон – с населением около 29 тыс. чел. Плесси-Робинзон – город, основанный еще в IX веке, много раз достраивался и расширялся. В нем сочетается историческая застройка и утилитарный модернизм 1950–1960-х. Бюро Breitman & Breitman реставрировало исторический центр и построило несколько кварталов в традиционном стиле, в основном ориентируясь на парижскую эклектику 1830–1840-х годов. Кроме того, архитекторы обновили монотонные модернистские фасады с помощью классических деталей (карнизов, тяг, рустованного цоколя, оконных обрамлений, пилястр, узорных балконов), в частности на площади Шарля Перро. Это любопытный опыт: оказывается, можно даже модернизм одеть в одежды обобщенной неоклассики, типичной для 1930–1950-х годов и получить более разнообразную и гуманную среду. Это уникальный опыт французской школы.

Еще более крупный пример нового урбанизма во Франции – Валь-д-Эроп. Девелоперская компания Disney совместно с французскими властями задумала город как дополнение к расположенному под Парижем

^ Рис. 9. Плесси-Робинзон под Парижем. Архитекторы Марк и Нада Брайтман. 1989–2018

^ Рис. 10. Валь-д-Эроп под Парижем

^ Рис. 11. Площадь Тосканы в Валь-д-Эроп под Парижем. Архитектор П.-К. Бонтемпи. 2008. Предоставлено П.-К. Бонтемпи

парку Диснейленд и одноименному курорту. Жаклен Робертсон отвечал за общую (обобщенно квартальную) планировку, а Брайтманы и другие архитекторы спроектировали несколько кварталов, в основном в духе османовского Парижа в стиле классицизирующей эклектики с типичными парижскими высокими мансардными крышами, французскими окнами, кружевными балконными оградками. Марк и Нада Брайтман создали несколько городов нового урбанизма во Франции, ориентируясь на местный вернакуляр, их можно считать заметными представителями французской школы. В то время их проекты для Бельгии опираются на стиль традиционной застройки, типичной для этой страны.

Новый урбанизм – масштабное явление, которое невозможно охватить в отдельной статье, поэтому сконцен-

трируемся на наиболее выдающихся по художественному качеству примерах. К их числу относится овальная площадь Тосканы, которую итальянский архитектор Пьер Карло Бонтемпи построил в Валь-д-Эроп под Парижем. Хотя сам город, как говорилось, ориентирован на парижскую застройку 1830–1840-х, его центральная часть – площадь Тосканы и прилегающие кварталы – принадлежит итальянской школе. Это исключение из правила. Обычно новые урбанисты проектируют в стиле местной застройки, но в данном случае в городе нужен был выдающийся градостроительный ансамбль, и Бонтемпи позвали специально для этого.

Итальянская школа

Зодчий Пьер Карло Бонтемпи родился в 1954 году в области Эмилия-Романья, недалеко от Пармы, где и сейчас находится его мастерская. Учился в университете Флоренции и в Институте принца Чарльза. Построил несколько традиционных маленьких городов: Фонти-ди-Матильде, Санта-Костанца в Италии, гольф-курорт во Франции. В 2014 году Бонтемпи стал лауреатом премии Дрихауса (а в 2012 году участвовал в рамках фестиваля «Арх-Москва» в выставке «Историзм», куратором которой выступил российский архитектор Максим Атаянц). Овальная площадь Тосканы с обелиском в центре выглядит как привычный традиционный европейский город, прототипом стала площадь Амфитеатра в Лукке. Античный памятник, обстроенный в последующие века, вдохновил Бонтемпи на создание по периметру площади фронта из коротких фасадов, каждый из которых представляет собой ордерную композицию. Это исключительно важный прием, характерный для многих традиционалистов современности, причем внутренняя структура зданий не обязательно соответствует этим узким, по 20 м, фасадам. Они нужны, потому что фасад – лицо дома и потому что такой ритм наиболее комфортен для восприятия человека.

Поначалу можно принять площадь Тосканы за исторический город. А потом он постепенно до тебя доходит, поражая безошибочностью рисунка, пропорций, материалов. Есть ощущение, что ничего нельзя изменить, не испортив. Бонтемпи «вслушивается» в старую

< Рис. 12. Фонти-ди-Матильде. Эмилия-Романья, Италия.
Архитектор П.-К. Бонтемпи. 2009 (<http://www.piercarlobontempi.it>)

архитектуру. Его бюро находится в старой итальянской постройке, т. е. архитекторам обеспечено ежедневное телесное переживание классического пространства. Сказывается и опыт итальянского мастера в реконструкции старых городов, знание итальянской «ткани». При этом его собственная классика получается новая, пережившая авангард, уцелевшая в крушениях XX века и как бы открытая заново. Традиция – это пересечение свободы и истории, говорил Х. Гадамер. Встреча с традицией произошла – и результат художественно убедительный.

Другой известный проект Бонтемпи, в котором принял участие итальянский архитектор Э.-М. Маццола и российский архитектор Максим Атаянц, – курортный городок Фонтини-ди-Матильде в провинции Эмилия-Романья, недалеко от Пармы. Отель, двадцать домов, термы и маленькая церковь. От дороги и веющего с Апеннин жесткого ветра городок загорожен бастионом, в котором поместился паркинг. Очень мало приемов: окно, ставни изящного рисунка, люкарны, арки. Ни одной колонны. Нет украшений. Эта архитектура помнит заявление Лооса: «Орнамент – это преступление», которое было когда-то программным для модернизма и которое сегодня модернизм то и дело опровергает, покрывая себя принтами и перфорируя все подряд поверхности. У Бонтемпи все чисто. Классика совлекла с себя все ненужное. Вышла, как богиня, из купальни.

В чем секрет? Почему у Бонтемпи получилось то, что так трудно сегодня делать? Человек, который в наше время проектирует классику, – это канатоходец. Одно неверное движение – и падение в постмодернистскую иронию, в неумелое подражание или в наглуемую усмешку. Почему у Бонтемпи получилось пройти по этому канату? Знания реставратора, страхующие от ошибок в материалах, от «картонности», соединились с художественной инвенцией. Можно показать отдельные штрихи XXI века в его постройках: как смягчается симметрия палладианского фасада асимметрично размещенными эллипсовидными окнами; как палладианский фасад в качестве прообраза берется не парадный, а второстепенный, без колонн и без портика, т. е. от торжественности колонного портика Бонтемпи уходит, оставив чистое

благородство пропорций; как «высушиваются» капители пилястр, превращаясь в полоски; как эллипсовидные окошки на фасадах – то вертикальные, то горизонтальные – становятся как бы «подписью» Бонтемпи. Но дело не в них. Нужно было пережить модернизм прошлого века и начисто забыть классические пропорции (а из архитектурного образования во всем мире за редким исключением их устранили полностью), чтобы вдруг открыть их заново. Увидеть глазами архитектора XXI века. На мой взгляд, современной архитектуре и искусству в целом недостает интонации, которую можно было бы определить словами Гадамера как «актуальность прекрасного». Пьер Карло Бонтемпи исправил ситуацию.

Сделаю небольшое отступление о культурном контексте и духовных предпосылках нового урбанизма. В 1970–1980-х годах в культуре в целом появилась тенденция, к которой принадлежит и новый урбанизм. Возникла плеяда архитекторов-неоклассиков в России и на Западе. Возник интерес к «внеавторской» барочной музыке и сохранению памятников архитектуры, тогда же были высказаны идеи ретроразвития архитектора Бориса Еремина, тогда же Михаил Филиппов провозгласил свой манифест «Стиль 2001 года» по замене панельного района традиционным городом, эстетика которого осваивается, по словам автора, «путем смиренного рисования». То есть произошло осознание «присутствия прошлого» (именно так – Presence of the Past – называлась Венецианская архитектурная биеннале 1980 года). У русских композиторов Владимира Мартынова, Валентина Сильвестрова и Арво Пярта произошел поворот к «тихим песням» и новой простоте. Эта музыка ориентировалась, говоря словами Пярта, на григорианский хорал и творчество Фра Анжелико, исходя из понимания, что на языке авангарда это содержание высказать не получается. И был создан новый язык, основанный на традиционной тональной системе и благозвучии [13]. Так и архитекторы традиционного направления предпочли новый тип художественного высказывания: не авангардный, а канонический, но с художественной инвенцией. Концепция автора тоже поменялась: из демиурга авангардного искусства он превратился опять в мастера на службе у Бога, общества,

> Рис. 14. Квартал Дом-Рёмер. Франкфурт-на-Майне. 2010–2018 (<https://de.wikipedia.org>)

заказчика. Эти авторы внесли в современную культуру то, что в ней категорически отсутствовало, – понятие искусства, отвечающего за познание мира и умножение красоты, освященного, хотя и неявно, религией (небывалое сочетание для XX века, в котором связь культуры и религии, за редкими исключениями, разорвана, а познание часто служило злу). В современном искусстве (contemporary art) заметна только ницшеанская интонация мятежа и провокации, другие есть, но незаметны. А такая интонация работает лишь на короткой волне, поскольку никакого положительного смысла не предлагает. Как говорил Ясперс, «мышление Ницше <...> пусто, когда тот, кто обращается к нему, хочет обладать тем, что действительно и существует; в нем есть полнота, когда он принимает участие в движении» [14].

Испанская и португальская школы

Для этих южных стран в большей мере характерна ситуация не возрождения, но выживания традиционного поселения. Это и понятно: традиционные деревни здесь никуда не исчезали. Примером служит построенный

в Рис. 13. Франсиско и Джаиме Парладе. Марбелья, Испания. 1980-е (www.laherediaresidents.com)

в Испании в 1980-х братьями-архитекторами Франсиско и Джаиме Парладе приморский городок Ла-Херидиа на берегу Гибралтарского залива, на склоне горы, с видами на море и марокканское побережье. Типичный средиземноморский город с домами в сельском андалузском стиле – с терракотовыми полами и порталами, черепичными крышами, коваными оградками, цветной плиткой. Поселение из двухсот с лишним домов украшают площади с фонтанами и сады. Здесь больше вернакулярной, народной архитектуры, чем во всех приведенных выше примерах. В этом же ключе действует португальский архитектор Хосе Корнелио да Сильва, мастер-реставратор, специалист по реконструкции исторических городов. Его деревня в Альгейрао (Португалия) по формам и материалам неотличима от деревень столетней давности.

Немецкая школа

В немецкой школе создан прецедент по замене модернистского города традиционным. Здесь можно увидеть параллель с идеями ретроразвития Бориса Еремина и манифестом Михаила Филиппова, а также со знаменитым нереализованным проектом площади Патерностер в Лондоне, для которой по инициативе принца Чарльза был создан классический квартал Симпсона [15]. Во Франкфурте-на-Майне в 2012–2018 годах восстановили в довоенных формах центральный квартал Дом-Рёмер (Dom-Roemer), разрушенный бомбежками во время Второй мировой войны, заменив им морально устаревший модернистский технопарк 1970-х. В городе возникло общественное движение за восстановление исторического центра Франкфурта – старого города, состоявшего до войны из средневековых домов и застройки начала XX века, примыкавшего к соборной площади. По инициативе городского сообщества модернистские здания были снесены, в 2010–2011 годах был проведен ряд архитектурных конкурсов, и из 170 участников выбрано 20 архбюро, в том числе Meurer Architects. Ганс Колхофф, Jordan Mueller, Prof. Bernd Winking Architects и др., которые спроектировали 35 домов, составивших новый старый город. Дома проектировались согласно архивным документам в духе местной традиции с островерхими

крышами уклоном не меньше 55 градусов. Часть домов – реконструкции с фахверковыми этажами на каменном цоколе, часть – новые постройки в стиле старых, с бетонными конструкциями, но отделанные камнем, сланцем, штукатуркой с высоким ремесленным качеством. Центром старого города стала площадь Хюнемаркт. Масштаб работ был велик, пришлось переносить вход в метро, сносить подземную парковку, переселять арендаторов, снос Технопарка обошелся в 20 млн евро при общей стоимости строительства квартала в 200 млн. Но власти пошли на это, поскольку запрос общества на сложность, культуру, изящество был очевиден. Квартал Дом-Рёмер подвергся критике со стороны некоторых журналистов, усмотревших в нем восстановление архитектуры времен нацизма, но был высоко оценен историками архитектуры, а жители приняли новый старый город со всем сердечным удовольствием.

Другой представитель немецкой традиционной школы – молодой архитектор Себастиан Треезе, который в 2019

году получил премию Дрихауса, также движется в русле, близком новому урбанизму, но пока в его портфолио нет городов, лишь отдельные кварталы в традиционном стиле, построенные в Берлине, в основном в стиле неоклассицизма начала XX века и промышленного ар-деко 1920-х.

Шведская школа

В 1995–2004 годах американский архитектор польско-еврейского происхождения Александр Володарский, родившийся в СССР, с конца 1960-х работающий в Стокгольме, спроектировал квартал Санкт-Эриксомрадет. Район Св. Эрика – один из самых крупных проектов нового урбанизма. В нем 770 домов. Главная ось района проходит с юга на север через круглый парк, окруженный двумя подковообразными жилыми домами (Grubbensringen), мимо двух башен ведет вниз по большой полукруглой лестнице Груббена и заканчивается зеркальным прудом. В круглом парке находится часовня Св. Эрика, которая была пе-

^ Рис. 15. Квартал Санкт-Эриксомрадет. Стокгольм. Архитектор А. Володарский. 1995–2004 (<https://commons.wikimedia.org>)

^ Рис. 16. Цитадель в Брокпольдере. Голландия. Архитектор Р. Крие, К. Коль (<https://cksa.de>)

ренесена на 120 м к западу при строительстве жилого комплекса. Налицо приметы классического ансамбля, а в застройке преобладает стиль шведского классицизма 1920-х годов (стиль *Swedish Grace*), характерный для Стокгольма. Как и квартал Дом-Рёмер во Франкфурте-на-Майне, район Санкт-Эриксомрадет критиковали архитекторы и журналисты, но приветствовали власти и жители города. В 2004 году район получил награду CNU Chart Award.

Голландская школа

В Нидерландах несколько традиционных городов построил люксембургский архитектор, теоретик и философ Роб Крие, брат Леона Крие. Он работал в соавторстве с Кристофом Кодем в бюро, расположенном в Берлине, пока оно не распалось. Их небольшой, но известный проект – Цитадель в Брокпольдере. В плане город выглядит как крепость, однако пересеченная главной улицей с главной площадью на этой оси. По углам неправильного четырехугольника находятся «бастионы». Кварталы неправильной формы имеют замкнутые дворы. Застройка выполнена в традиционном голландском духе: кирпичные таунхаусы с островерхими крышами, красный и коричневый кирпич с белыми деталями. Традиционно для Голландии каналы вписаны в план города. В нем 300 частных домов и 180 домов, сдаваемых в аренду. В застройке сочетаются как отдельные особняки, так и сблокированные здания, есть даже жилье в «бастионах».

Таким образом, Крие и Коль практикуют стиль голландского вернакуляра. Другой их известный проект – мастерплан поселения Брандерворт на 17 тыс. жителей в голландской провинции Брабант, которое строится с 1996 года. Там Крие и Коль спроектировали также несколько кварталов, в том числе квартал Де-Весте, который Роб Крие назвал самым красивым городом в его жизни.

В 2022 году и Роб Крие дождался премии Дрихауса. Количество традиционных городов, построенных этим бюро, впечатляет, причем расположены они в основном в Голландии, которая считалась форпостом модернизма, а также в Германии. Таким образом, традиционные

города востребованы повсюду. Стоит отметить, что европейцы, поднимая на знамена радикальный модернизм и экспортируя его в другие страны, для себя строят традиционные поселения, рассчитанные на долгую жизнь, которые принимаются на ура местной властью и жителями.

Создав привлекательные для людей города с традиционными улицами и классической архитектурой, с разнообразными функциями, перемешанными с жильем и находящимися в пешеходной доступности, новый урбанизм предложил ответ на вызов постиндустриальной цивилизации. Призывая строить в местных традициях из местных натуральных материалов силами местных строителей, новые урбанисты попытались ответить на экологический вызов. На угрозу разрушения исторического города новый урбанизм тоже ответил. Старый город подвергся рефлексии, и был создан алгоритм, по которому строится неотрадиционный город. В американской школе для этого придумали писать для каждого поселения дизайн-код, регламентирующий все пропорции, кроме стиля архитектуры. Напротив, в английской, французской, итальянской, голландской, шведской школе стиль предписывается строго традиционный, а дизайн-код применяется не всегда. При этом соблюдается пропорция между вернакулярными, фоновыми зданиями и авторскими ансамблями, проектируемыми чаще всего в ордерной архитектуре, ими оформляются значимые места. Иерархия старого города также была учтена и принята в качестве канона как в традиционной планировке (главные здания – на центральной площади), так и в небесной линии (главные здания – доминанты в силуэте). Из перечисленных примеров в плане художественных достижений стоит выделить Паундбери с площадью Королевы-матери Терри и Валь-д-Эроп с площадью Тосканы Бонтемпи. Для истории архитектуры конца XX – начала XXI века новый урбанизм и возвращение традиционного города – глобальная архитектурная и культурная идея и ключевое художественное

> Рис. 17. Брандевоорт в Брабанте. Голландия. 1996–2021.
Архитектор Р. Крие, К. Коль (<https://cksa.de>)

явление, некое вневременное настоящее, доказавшее свою жизнеспособность в новом тысячелетии.

Литература

- Fullton, W. *New Urbanism: Hope or Hype for American Communities: Report of Lincoln Institute of Land Policy*. – Cambridge, 1995. – URL: <https://www.lincolninst.edu/sites/default/files/pubfiles/the-new-urbanism-full.pdf> (дата обращения: 04.01.2023).
- HRH Prince Charles. *A Vision of Britain: A Personal View of Architecture*. – London: Doubleday, 1989. – 160 p.
- Krier, L. *Architecture. Choix ou Fatalite*. – Paris : Editions Norma, 1996. – 208 p.
- Ревзин, Г. Венецианская биеннале. VII Междунар. архит. выставка. Россия. Михаил Филиппов. – Москва : А-Фонд, 2000. – 80 с.
- Хартия нового урбанизма – URL: <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism> (дата обращения: 23.02.2023).
- Ревзин, Г. Как устроен город будущего. – Москва : Strelka Press, 2022. – 216 с.
- Ла Рош, П. Роль зданий в изменении климата // Веб-журнал «ЭКА.ру». – URL: https://www.ec-a.ru/index.php?mn=razdel&mns=61caeit35zi8e_ru (дата обращения: 16.01.2023).
- Джейкобс, А. Великие улицы. – Москва : Искусство – XXI век, 2014. – 344 с.
- The Fabric of the City. – URL: https://www.rogerscruton.com/images/The_Fabric_of_the_City.pdf (дата обращения: 04.01.2023).
- Krier, L. *Classical architecture and vernacular building // New classicism*. – New York : Rizzoli, 1990. – P. 44–51.
- Duany, A., Plater-Zyberk, E., Alminana, R. *The New Civic Art: elements of town planning*. – New York : Rizzoli, 2003.
- Копылова, Л. Экопоселение Паундбери // Проект Россия. – 2014. – № 71. – С. 154–156.
- Чередниченко, Т. Музыкальный запас. 1970-е. Проблемы. Портреты. Случаи. – Москва : НЛО, 2005.
- Мартин Хайдеггер – Карл Ясперс. Переписка 1920–1963. – Москва : Ad Marginem, 2001.
- Papadakis, A. *L'architecture Moderne Classique*. – Paris: Finest S.A. / Edition Pierre Terrail, 1996. – P. 183–187.

References

- Cherednichenko, T. (2005). *Muzikalnyi zapas. 1970-e. Problemy. Portrety. Sluchai [Musical stock. 1970-e. Problems. Portraits. Cases]*. MOSCOW: NLO.
- Duany, A., Plater-Zyberk, E., & Alminana, R. (2003). *The New Civic Art: Elements of Town Planning*. New York: Rizzoli.
- Fullton, W. (1995). *New Urbanism: Hope or Hype for American Communities*. Report of the Lincoln Institute for Land Policy. Cambridge. Retrieved January 4, 2023, from <https://www.lincolninst.edu/sites/default/files/pubfiles/the-new-urbanism-full.pdf>
- HRH Prince Charles (1989). *A Vision of Britain: A Personal View of Architecture*. London: Doubleday.
- Jacobs, A. (2014). *Great Streets*. Moscow: Iskusstvo-XXI vek.
- Kopylova, L. (2014). Экопоселение Паундбери [Poundbury Eco-Settlement]. *Project Russia*, 71, 154-156.
- Krier, L. (1990). Classical architecture and vernacular building. In *New classicism* (pp. 44-51). New-York: Rizzoli.
- Krier, L. (1996). *Architecture. Choix ou Fatalite*. Paris: Editions Norma.
- La Roche, P. (n.d.). *Buildings and climate change*. ECA.ru. Retrieved January 16, from https://www.ec-a.ru/index.php?mn=razdel&mns=61caeit35zi8e_ru
- Martin Haidegger-Karl Jaspers. *Perepiska 1920-1963 [The Heidegger-Jaspers correspondence (1920-1963)]*. (2001). Moscow: Ad Marginem.
- Papadakis, A. (1996). *L'architecture Moderne Classique*. Paris: Finest S.A. / Edition Pierre Terrail.
- Revzin, G. (2000). *Venetsianskaya biennale. VII Mezhdunar. archit. Vystavka. Rossiya. Mikhail Filippov [The Venice Biennale. VII International Architectural Exhibition. Russia. Mikhail Filippov]*. Moscow: A-Fond.
- Revzin, G. (2022). *Kak ustroen gorod budushchego [How the city of the future works]*. Moscow: Strelka Press.
- Scruton, R. (n.d.). *The Fabric of the City*. Retrieved January 4, 2023, from https://www.rogerscruton.com/images/The_Fabric_of_the_City.pdf
- The Charter of New Urbanism. (n.d.). *Congress for the New Urbanism*. Retrieved February 23, 2023, from <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism>.